

УДК 81:39 + 811.512.145'282 + 398:28

МРНТИ 16.00.00

DOI 10.37238/1680-0761.2023.89(1).11

Юсупова А.Ш.**Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского
(Приволжского) федерального университета, Казань, Россия*****Автор-корреспондент: alyusupova@yandex.ru**

E-mail: alyusupova@yandex.ru

**ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, КАК МАРКЕР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КИТАЕ)**

***Аннотация.** В статье исследуется роль языка в структуре национальной идентичности татарской диаспоры, проживающей в КНР. На основании проведенного исследования делается вывод, что имя, наряду с родным языком является важным компонентом национальной идентичности. Для антропонимической картины татарской диаспоры, проживающей в КНР, характерно взаимопроникновение и смешение лексических явлений уйгурского, казахского и китайского языков. Проанализированы формальные и семантические трансформации канонических имен, соотношение исконного и заимствованного в региональном антропонимиконе. Показана доля использования фонда личных имен национального татарского, актуальных для жителей татарской диаспоры Китая, выявлены факторы, оказывающие влияние на процесс имянаречения лиц с татарскими корнями, постоянно проживающих в поликультурном регионе Китая.*

***Ключевые слова:** имя; национальная идентичность; татарская диаспора; татарский язык; лексика; сохранение.*

Введение

Изучение вопросов национальной идентичности особенно актуально для языкознания в условиях глобализации. Различные аспекты этнокультурной идентичности представлены в работах многих зарубежных и российских ученых [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Этническую идентичность можно определить как сложное социокультурное явление. По определению И. В. Малыгиной: «Этнокультурная идентичность представляет собой сложный социально-психологический феномен, содержанием которого является не только общественное осознание личности и локальной группы на основе общности культуры, но и осознание группой своего единства на той же основе. Психологический опыт этой общности, индивидуальные и коллективные формы ее проявления [1, с. 10].

Национальная идентичность диаспоры представляет собой совокупность разнообразных идентичностей [7]. Она связывает элементы двух и более этнических культур, дополняется компонентами региональных, конфессиональных и гражданских идентичностей, так как диаспора предполагает совокупность разнообразных культурных, социальных, экономических и других сфер, характерных одновременно как для страны происхождения, так и для страны проживания [2, с. 85].

Как известно, одни диаспоры находятся в социокультурных условиях, близкие к своему этносу, другие же – наоборот, в сильно отличающихся условиях. Существенное влияние на процесс формирования этнокультурной идентичности диаспоры оказывает место проживания и его социально-политические, исторически сложившиеся условия. Отношение региона, особенности миграционной политики могут влиять на формирование, функционирование и развитие этнокультурной идентичности. Таким образом,

этнокультурная идентичность пересекается с региональной, конфессиональной и языковой идентичностью.

Язык является одним из важнейших компонентов этнокультурной идентичности. В трудах [8; 9; 10; 11] язык рассматривается как базовая символическая среда функционирования этноса. В последние годы активизировались научные исследования по изучению диаспорной идентичности в условиях русской, корейской и других диаспор [7]. История, культура и язык татарской диаспоры становится предметом пристального внимания российских и зарубежных учёных. Достаточно большое внимание начали уделять изучению языковой идентичности татарской диаспоры, проживающей за пределами Российской Федерации [11; 12; 10; 13, 14].

Вопросы изучения языковой и этнокультурной идентичности являются особо актуальными для татарской диаспоры, проживающей в Китае. С одной стороны, в связи с историческими событиями в региональном китаеязычном окружении татарская диаспорная идентичность развивалась изолированно от современной татарской этнической культуры. С другой стороны, в результате тесного территориального контакта, социокультурных связей с тюркскими народами, в особенности уйгурами и казахами, диаспорная идентичность претерпела определённые изменения.

Целью данной работы было изучение фамилий татароязычных народов, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, поскольку именно этот район Китая стал центром миграции восточных татар. В статье использованы материалы, собранные автором в ходе обследования татароязычных районов Урумчи и Горзы в Китае в 2008-2013 гг., а также книги, антологии и другие письменные материалы, изданные китайскими татарами, а также произведения устного народного творчества.

В настоящее время в Китайской Народной Республике проживает около 5000 татар. В основном - в Синьцзянском автономном районе, где они поселились в 19 веке. Большинство татар проживало в таких городах, как Урумчи, Чавучак и Горза, во время своего проживания они сыграли важную роль в реформировании старой системы религиозного образования, распространении научных и культурных знаний и ведении торговли. *Татарская диаспора в Китае*

Как указано в большинстве источников, переселение татар в западный Китай началось в 1830-х гг. Татары принимали деятельное участие в социальной жизни региона, в образовательной сфере, занимались коммерцией. В результате сформировалась татарская община на западе Китая (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) [15; 16; 17].

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, согласно официальной китайской статистике в 1998 г., проживало 4873 татар (по данным Татарской национальной организации - более 5500) [16, с. 66-67]. Татары, оказавшиеся в Синьцзяне, Китай, были в основном высокообразованными представителями татарской интеллигенции, представителями зажиточных слоёв татар, духовенства. Сюда пришли татары из Поволжья, Уральской, Оренбургской и Уфимской губерний.

Трудный миграционный путь, который прошли татары, затронул все стороны их жизни и стал испытанием и точкой опоры для выживания нации. Следует отметить, что в конце XIX - начале XX в. Татарский язык является важным фактором самоидентификации татарских иммигрантов, проживающих в далекой и своеобразной стране Китая.

Двойственное положение татарской диаспоры на территории Китая – в плане отношения к принимающей стране и своей исторической родине – обусловило выполнение ею следующих функций:

1. Социальная функция – защита членов диаспоры, содействие в получении ими гражданства и профессиональном самоопределении.

2. Политическая функция – участие в проходивших в стране проживания избирательных кампаниях и других политических действиях, что оказывало влияние на позицию региона проживания татарской диаспоры на международной арене.

3. Этнокультурная функция состояла в сохранении или возрождении национальной культуры своего народа; развитии и передаче этнических культурных ценностей; сохранении и развитии национального самосознания. Необходимость поддерживать и развивать собственную этническую культуру способствовала сохранению связей со своей исторической родиной, а приспособление к новой среде требовало усвоения социокультурных норм и ценностей принимающего сообщества. При этом устойчивость диаспоры к ассимиляции обеспечивается наличием определённого стержня, в качестве которого могут выступать историческая память, национальная идея, религиозные взгляды и т.п., что сплачивает диаспору и не позволяет ей раствориться в иной этнической среде.

Языковую политику китайского государства в отношении татарских и других народов, проживавших в Китае, можно охарактеризовать как лояльную. В частности, не было запрета на татарский язык и требования говорить на языке страны проживания, напротив, шел поиск языкового компромисса в целях наилучшего совместного сосуществования.

Обратим внимание на следующие явления в языках восточнотатарской диаспоры.

В лингвистической литературе существует мнение, что язык татарских переселенцев, в частности, может рассматриваться как самостоятельная языковая форма. При этом указываются некоторые особенности: 1) язык татарской диаспоры имеет своих носителей: это выходцы-татары из России и их потомки; 2) на татарском языке говорят за границей при определенных условиях. В нашем случае он в основном используется для общения в семейных кругах или среди татарской диаспоры. Использование татарского языка за границей в первую очередь было обусловлено необходимостью национального самосохранения, поэтому язык был особенно важен в иммигрантском контексте, когда отделение татар от исторической родины усугублялось изоляцией от внешнего мира. Он поляризован политикой и идеологией. Нарастающее отделение татарских переселенцев от исторической родины дополнялось необходимостью сосуществования с другими языками и их непосредственным влиянием на языки переселенцев. Поэтому неизбежно язык татарской эмиграции в Синьцзяне приобретал особенности, обусловленные различными факторами – как собственно лингвистического, так и социолингвистического характера [13].

В начале XX в. представители татарской интеллигенции в Китае предпринимали все усилия по открытию школ и контролю за их работой. Некоторые из них отправлялись в отдаленные сельские регионы и внесли значительный вклад в формирование системы образования Синьцзяна. Они принесли пользу не только татарам, но и уйгурам, хуэйцам, казахам, сибинцам, узбекам. В городах Кульджа, Урумчи и Чавучак были открыты татарские школы (татар мәктәбе ‘татарская школа’, кызлар мәктәбе/‘школа для девочек’, «Нур» мәктәбе (школа Нур), «Максудия» мәктәбе (‘школа Максудия’), Чанышев мәктәбе (школа Чанышева), Урумчи татар мәктәбе (‘татарская школа Урумчи’), и татарский язык функционировал, прежде всего, как язык образования, т.е. в начальных и средних учебных заведениях обучение велось на татарском языке. Татарские школы посещали не только татары, но и уйгуры, казахи, узбеки, дунганы и китайцы. В целях поддержания и сохранения своей этнокультуры татарская диаспора проводила и проводит различные общественные, научные и культурные мероприятия.

Центрами заморских татар были города Кульджа, Урумчи и Цавучак. Именно их можно рассматривать как концентрированное выражение сущности татарской жизни в условиях восточных иммигрантов. В этих городах татары создали уникальную культурную среду - по образу и подобию своей родины - татарскую цивилизацию. В 1987 году с одобрения правительства Китая была создана Татарская ассоциация и создан Центр сохранения и развития татарской культуры «Мадани Нур».

Культурно-просветительская деятельность татарской диаспоры в Китае способствовала сохранению родного языка и этнических традиций. Культура, язык и религия сыграли важную роль в сохранении национально-культурного облика, образа жизни и личностных качеств мигрантов в инокультурной и иноязычной среде. На наш взгляд, вопрос изучения и сохранения родного языка является одним из основных в диаспоральной идентичности. Язык позволяет семьям мигрантов поддерживать связь своих детей с татарской культурой и культурой своей родины. Знание своих корней позволяет им лучше усвоить культуру и ценности нового общества. Сохранение национальных традиций является важной задачей для любой страны. У татар много национальных традиций, и татары в Китае стремятся сохранить их, передать свои знания детям и сделать свою культуру известной представителям других стран. Татары в Китае организуют савантуи и литературные вечера в память о великом татарском поэте Габдулле Тукае. Культурная жизнь татарского Кульджи – литературная, театральная, музыкальная – была чрезвычайно насыщенной для этого небольшого провинциального города. Приток творческой интеллигенции, особенно в период дореволюционной эмиграции из России в Китай, способствовал развитию татарской культурной жизни городов Урумчи и Кульджа. Татарская культура и татарская речь становились доступными для татарских эмигрантов через фонды татарских библиотек, где им были доступны произведения татарских писателей. Издавались учебники на татарском языке: Гомуми тарих (Общая история), Халык тарихы (История народа), Татарча элифба китабы (Татарская азбука). А в 1947 г. В городе Кульджа был издан сборник стихов Г.Тукая.

Татарский язык - это язык устного делового общения и деловой документации. В городе Кружа, построенном по типу татарского поселения с сохранением инфраструктуры старого русского общества, деловая жизнь была высокоорганизованной. В документах такого рода использовались традиционные архаичные фразы и строго соблюдались установленные документальные формы. Устное деловое общение и деловая переписка между татарскими поселенцами велась на татарском языке. Татарский язык широко использовался среди татарских предпринимателей, при оказании бытовых, транспортных, медицинских и юридических услуг членам татарской диаспоры. Об этом свидетельствуют многочисленные объявления в местных газетах и информация в городских адресных книгах. Татары в Синьцзяне писали на татарском языке письма, поздравительные открытки и приглашения на семейные торжества.

Урумчи, Кульджа и Чавучак – это города с татарским топонимическим пространством на протяжении всего времени пребывания там татарской колонии. Достаточно указать на то, что улицы имели типичные татарские названия или названия, образованные по продуктивным моделям, используемым в татарской топонимике (Нугай город ‘микрорайон Кульджи, где компактно проживали татары’, Ташлэкэ базары ‘рынок Ташлавка’, Алтай ширкэте ‘товарищество Алтай’, Тянь-Шань ширкэте ‘товарищество Тянь-Шань’, Тукай күчэсе ‘улица Тукая’, Хэбип Юнич күчэсе ‘улица Хабиба Юнича’ и т.д.). Кроме татарских названий улиц, магазинов, гостиниц и т.п., топонимическое пространство включало в себя вывески и рекламу на татарском языке, которые также являлись элементами его знаковой организации.

В городах Курджа и Урумчи продолжалось использование родного языка как средства общения внутри этнических групп и семей, что способствовало этнической самоидентификации как важнейшему признаку этнической группы. В городе Кульджа люди могли использовать только родной язык и уйгурский, не зная китайского языка, языка страны проживания. В центрах татарской миграции на Восток (Кульджа, Урумчи и Чавчак), несмотря на численное преобладание татар за рубежом и их население, структура жизни и быта соответствует традиционным и исламским нормам татарского народа, а татарский язык используется во всех сферах общения. Другие этнические группы, проживающие в многонациональных городах Курджа и Урумчи (уйгуры, казахи, узбеки, киргизы и др.)

сохранили свой язык и культуру, но доминирующей культурой по совокупности и масштабу фактов следует считать татарскую. Таким образом, в конце XIX-начале XX вв. татарский язык в Синьцзяне стал влиятельным фактором самоидентичности татарской эмигрантской диаспоры. Функциональность и удивительная жизнеспособность татарского языка в этих условиях, с нашей точки зрения, обеспечивались тем, что основную часть татарской эмиграции в данном регионе составляли российские татары, обладавшие высокими интеллектуальными и деловыми качествами, люди образованные, творческие, удачно сочетавшие в себе глобальное мировидение и развитое национальное самоощущение. Заслугой татарской диаспоры Синьцзяна является достаточно широкое использование татарского языка в этом регионе Китая, причем в его многонациональных городах.

Прожив более 100 лет в окружении китаеязычного населения и его культуры, татары Китая сохранили свою этнокультурную и языковую идентичность и сформировали сплоченную духовно-культурную татарскую диаспору. Тем не менее, согласно сведениям о степени сохранности или уровне жизнеспособности татарского языка, на нем сегодня говорят только дома, в быту, а в остальных сферах его применение ограничено. Следует отметить, что существующая ныне лингвистическая ситуация в татарской диаспоре может привести к потере татарского языка с уходом старшего поколения. В этой связи необходимо сосредоточить особое внимание на молодежи.

Поскольку татары Синьцзяна взаимодействовали с уйгурами и казахами, эти три языка сильно повлияли друг на друга и стали источником многих диалектов. Сегодня, рассеянные по двум этническим регионам, татары используют уйгурский и казахский языки в дополнение к татарскому. Смешанные браки между татарами и другими мусульманскими этническими группами, такими как уйгуры и казахи, не редкость. Пожилые татары являются носителями и передатчиками татарской культуры, традиций и обычаев. Они передают сокровища своей национальной культуры из поколения в поколение. Молодое поколение использует язык своих предков, но смешивает его с уйгурским и казахским. Естественно, китайский язык также является средством делового общения. Молодое поколение, особенно те, кто учился в китайских гимназиях и университетах, много говорят по-китайски. На татарском говорят только дома, поэтому для молодежи он не очень востребован, но он необходим для контактов с татарской молодежью в других странах и с тюркоязычными людьми. *Личные имена представителей татарской диаспоры Китая*

Антропонимическая система современного татарского языка складывается как из официально принятых категорий наименования (имен, отчеств и фамилий), так и из неофициальных (прозвища и другие виды имен собственных).

Современная татарская официально принятая трехчленная антропонимическая модель «имя + отчество + фамилия» (Азат Асхатович Мухитов, Алсу Асхатовна Мухитова и т. п.) или более распространенная в сфере официально-делового общения модель «фамилия + имя + отчество» (Мухитов Азат асхатович, Мухитова Алсу Асхатовна,) выработалась под влиянием русской официальной антропонимической системы. Имена, образованные по этой модели, выступают в официальных документах, в языке прессы, юриспруденции и т. д. В живом разговорно-бытовом языке татары пользуются различными одночленными и двучленными именами и формами именования или их заменителями-эквивалентами, значительно отличающимися от официальной модели.

У татар личное имя и прозвище являются самыми древними антропонимическими категориями. Фамилии (с окончаниями на -ов/-ова, ев/-ева, ин/-ина, ский/-ская) и отчества (с окончаниями на -ович/-овна, евич/-евна) возникли сравнительно поздно. Фамилия в татарской антропонимии окончательно сформировалась и вошла в активное употребление во второй половине — в начале XX в. В настоящее время в официальных документах употребление отчества, как и у русских, является обязательным, поэтому они образуются от всех татарских мужских личных имен.

Личные имена, выявленные нами у татар, проживающих в Китае, имеют различное происхождение. Лексикографический анализ татарских имен, распространенных в Китае, показывает, что многие из них несут на себе отпечаток исторической родины, обычаев и традиций, связанных с татарским именовани \ddot{e} м. Так при наречении ребенка простор для родительской фантазии был и остается необычайно широк: в зависимости от обстоятельств, сопровождавших рождение ребенка, физических данных новорожденного, религиозных убеждений родителей и т.д. Основой для имени могло послужить любое нарицательное слово, если его выбор был каким-то образом мотивирован.

Особое место в антропонимической системе, являющейся отражением каждого историко-общественного события в истории нации, занимают имена людей, имеющие большое лингвистическое, ономастическое значение. В них ярко выражены не только верования и обычаи, характерные для жителей этого региона, но и этнографические особенности исторической родины татар, проживающих в Китае.

Во многих случаях имена выбираются людьми пожилого возраста или семьей. Выбранное имя трижды произносят на правое и левое ухо новорожденного. У татар, проживающих в Китае, кроме татарских имен часто встречаются уйгурские и казахские имена. Основная причина этого - смешанный брак с татарами, проживающими в Китае, то есть женитьба или замужество с другими тюркскими мусульманскими народами.

При классификации имен человека в тюркских языках имеют место различные принципы, тем не менее антропонимическая система любого языка, в первую очередь, делится на две большие группы по половому признаку, мужские и женские имена. Антропоним как женское или мужское имя-лингвистическое явление, возникшее в результате исторического развития татарских имен и сохранившееся и в настоящее время. Таким образом, у татар, проживающих в Китае, на сегодняшний день используются следующие женские имена: *Мәрфуга, Мәхфүзә, Шәмсия, Шәмсенур, Диләрә, Мәхбүбә, Гөлгенә, Камилә, Нафига, Фәйрүзә, Зөлфия, Гөлфия, Мөнжсия, Шәфика, Равия, Рәгънә, Әдибә, Фәһимә, Хәлимә, Сәярә, Хөршидә, Илбикә, Илфира, Зәйнәп, Гөлмирә, Гөлзирә, Гөлчәһрә, Зөмрәт, Сажидә, Бану, Илсияр, Рауза, Айнура, Ләбибә, Надирә, Ләлә, Лидия, Сәгыйдә, Сәрия, Сажидә, Дилә, Илсәяр, Надия, Рәмзия, Дилбәр, Рәйдә, Руфия, Клара, Асия, Рәшидә, Фатима, Мөнирә, Айтәгин, Гөлпәри, Малина, Әлфира, Әлфия, Ләлә и т.д.*

Мужские имена: *Рәкыйп, Әбдрәхим, Рәүф, Рәшит, Абдулла, Ирек, Дулкын, Рафаэль, Данияр, Рафик, Илдус, Газиз, Малик, Әсхәт, Жаббар, Жәүдәт, Гыйззәтулла, Фәрхәт, Адел, Гайрәт, Нәгыйулла, Вәлиулла, Илдар, Әхәт, Фатих, Надир, Мөслих, Ришат, Илморат, Каһарман, Әнвәр, Салих, Хафиз, Сәгыйть, Илдус, Фәрүк, Шәүкәт, Шамил, Шакир, Шәфкать, Илзат, Зыя и т.д.*

Генетически можно было бы выделить несколько групп:

1. древнетюркские антропонимы, восходящие к древнетюркским апеллятивам и составляющие основу общетюркских имен почти во всех современных тюркских языках: *Ирек, Ильяр, Илбикә, Өмет, Илсәяр, Илдар и т.д.*

2. старотатарские личные имена, генетически относящиеся к древнетюркским (*Тимерхан, Хантимер, Тимербикә, Айсылу, Чулпан, Чакмак и т. д.*), кыпчакским (*Агши, Айдар, Таштимер, Ташбулат, Балтай, Иштуган, Айтуган и т.д.*), реже к монгольским (*Баян, Сайхан, Сайман, Чаныш, и т.д.*) и огузским (*Абас и т.д.*); этот пласт отличается неоднородностью.

3. имена арабского происхождения: *Мәрфуга, Мәхфүзә, Шәмсия, Шәмсенур, Мәхбүбә, Камилә, Нафига, Фәйрүзә, Зөлфия, Мөнжсия, Шәфика, Равия, Рәгънә, Әдибә, Фәһимә, Хәлимә, Сәярә, Рәкыйп, Әбдрәхим, Рәүф, Рәшит, Абдулла, Кодрәт, Зөмрәт, Равил, Мөһтәбәр, Галнур и т.д.* В тюркские языки, в том числе и в татарский, арабские имена проникали в основном через посредство персидского. Такие названия составляют наибольшее по численности и активно используются и по сей день.

4. Имена персидского происхождения: *Диләра, Гөлгенә, Гөлфия, Дилбар, Фәрхәт, Гөлчәһрә и т.д.*

5. В последние годы татары, проживающие в Китае, для наречения детей наряду с традиционными именами стали пользоваться именами, заимствованными из русского языка: *Клара, Эльмира, Лидия, Рафаэль, Филүрә, Нилүфәр, Роза, Малина, Резидә, Эдьвира и т.д.* Таких имен у татар, проживающих в Китае, сравнительно мало, так как, имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков, у татар активизировались главным образом после Октябрьской революции

6. Среди татар, проживающих в Китае, есть и такие имена, которые очень мало или вообще не встречаются на территории Татарстана и России: *Суат, Фидат, Шадия, Күнтәгин, Айтәгин, Илморат, Кодрәт, Илдана, Вилдана, Сәяра, Һалнур, Базарбай, Нуршат, Ширмәмәт, Шахтияр, Шахризат и т.д.* Они активны в уйгурском языке и наши соотечественники заимствовали их у уйгуров. В результате взаимодействия уйгуро-татарских и заимствованных арабско-персидских пластов в татарском языке за столетия образовалось много гибридных, сложных личных имен

Татары, проживающие в Китае, долгое время сохранили традиционные татарские имена, как маркер национальной идентичности. Встречались такие случаи, что семьи давали своим детям имена тех родственников, которые остались на исторической родине. Например, Наджип Сафин, который эмигрировал из Кукморского района Татарстана, назвал своих внуков именами своих братьев и сестер, которые остались в родном селе Арпаяз: *Әбдракыйп, Әбдершәйт, Әбдерахим, Мәрфуга, Абдулла*. Это можно объяснить любовью к родной земле.

А когда открылись границы в 1990-х годах, в Китае появились такие имена, как *Ләйсән, Лилия, Гөлназ, Булат, Сөембикә* и т.д.

Как и у всех народов, в татарской семье родители по отношению к своим детям употребляют ласкательную форму. Они широко используются и являются сокращенными вариантами полного имени. Например: *Шади* (Шадия), *Пакуш* (Фәрхәт), *Кауш* (Кәшифә), *Лидуш* (Лидия), *Филуш* (Флера), *Саули* (Сәүләш), *Ану* (Абдулла) и т.д.

Вековое соседство уйгурами дали свое влияние и на фонетику личных имен. Наши соотечественники, живущие в Китае, используют фонетические варианты таких имен, как *Гөлфия/ Гөлпия, Зөлфия/Зөлпия, Гөлфәри/Гөлпәри, Зөлфикар/Зөлпикар, Рифкәт/Рәпкәт* и т.д. на уйгурский лад.

Некоторые имена в разговорной речи изменяются до неузнаваемости. Это особенно ярко выражается у татар, которые живут в тесном контакте с казахами: *Исмагзам – Магын, Шәүкәт – Шака, Рифкәт – Рака* и т.д. Имена *Ширмөхәмәт, Нурмөхәмәт* также подвергаются различным сокращениям в разговорной речи. Они употребляются в форме *Ширмәмәт, Шир, Нурмәмәт*.

У многих татар, проживающих в Китае, не сохранились родовые фамилии. Как у китайцев и уйгуров, у них в паспортах фиксируется только имя и отчество. Например *Рифкәт Әхәт, Шәфкәт Илзат, Ширмәмәт Касыйм*. Но эти имена в официальных документах пишутся иероглифами, и очень сильно меняют свой облик: *Жэфухайти Айхайти, Сяфукәтә Иэрцзати, Сэйрмаймайти Касэнму* и т.д. Но в то же время встречаются родовые фамилии, например, *Аббасов, Валифф, Шариф*, которые переходят из поколения в поколение. Эти же фамилии сохранились у них в исторической родине, что помогает им найти родственников, восстановить родословные и установить контакты.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В Китае татары живут в основном в Синьцзяне. Некоторые из них стремятся узнать язык и традиции своего народа и установить контакт со своими собратьями из Татарстана. Несмотря на то, что китайская татарская диаспора находится далеко от своей исторической

родины, она сохраняет преемственность языка, культуры и личных имен из поколения в поколение на протяжении веков. Родной язык является важнейшей культурной ценностью.

Татарский язык занимает особое место в языковой компетенции многих татар, живущих в Китае с рождения, независимо от того, сколько языков они знают. Татарский родной язык, имена и фамилии (которые редко сохраняются в официальных документах) олицетворяют связь с родиной и семейными корнями.

Лингвистической особенностью татарской диаспоральной идентичности является феномен взаимопроникновения и смешения языков. Татарский язык взаимодействует с китайским и уйгурским во всех областях, связанных с функционированием татарского языка: бытовой, общественно-политической, научной и, в определенной мере, официально-деловой и также в имяназвании. В качестве примеров можно указать сохранение чисто тюрко-татарских имен; обилие заимствованной антропонимии (уйгурской, арабской, персидской, русской и европейской), что обосновано лингвистическими и экстралингвистическими факторами обитания носителей татарского языка.

Таким образом, этнокультура татар, проживающих в Китае, содержит элементы культуры страны проживания. В данном контексте именно коллективная этнокультурная идентичность является основой существования и развития диаспоры. Данное исследование не охватывает весь спектр рассматриваемых вопросов. Полученные результаты должны открыть возможности для дальнейшего исследования ономолексикона татарской диаспоры в Китае. Перспективы данного исследования мы видим в дальнейшем изучении языков зарубежной восточной и западной татарской диаспоры, расширении лингвистического материала, обобщении и систематизации научных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Малыгина И.В. *Этнокультурная идентичность (Онтология, морфология, динамика): Дис. ... д-ра. филос. наук. М. 2005. 305 с.*
- [2] Попков В.Д. *Феномен этнических диаспор. М. 2003.*
- [3] Berry J.W. *Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, etc.: Cambr. Univ. Press. 1992.*
- [4] Bochner S. *The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in contact. Oxford, etc.: Pergamon Press: 1982. Pp. 5-44.*
- [5] Bourhis R. Y. *Language in ethnic interaction: A social psychological approach // Language and ethnic relations. Oxford, etc.: Pergamon Press. 1979. Pp. 117-141.*
- [6] Clement R., Noels K. A. *Towards a situated approach to ethnolinguistic identity: the effects of statue on individuals and groups // J. of Language and Soc. Psychol. 1992. V. 11. Pp. 203-227.*
- [7] Ким А.С. *Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Автореф. дисс. ... докт. политич. наук. СПб. 2009.*
- [8] Safran W. *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. V. 1. N 1. 1991. P. 148.*
- [9] Brubaker R. *The diaspora diaspora. Ethnie and racial studies. N.Y. Volume 28. 2005. Pp. 1-19.*
- [10] Газизова Е., Файзулаева М. П. *Татарская диаспора в Латвии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2. С. 101-104.*
- [11] Садыкова Л.Р. *Сохранение этнокультурной идентичности тюрко-татарской диаспоры в США // Известия Уфимского научного центра РАН. 3-4: 2011. С.81-87.*
- [12] Махматов З.А. *Этнокультурные процессы в среде татарской диаспоры Казахстана // Вестник Чувашского университета. 2012. №4. С.37-39.*
- [13] Yusupova A.S., Denmukhametova I.N., Nabiullina G.A., Mughtasimova G.R. *Features of the Language of Tatars Living in China J. Middle-East Journal of Scientific Research. Volume 17 (2). 2013. Pp.168-172.*

[14] Yuisufuva Z., Yusupova A.Sh., Mugtasimova G.R., Hong Z. *The role of language in cultural transmission between the generations of the Tatars living in China* // *Astra Salvensis*, No 10, 2017. - С. 109-115

[15] Госманов М. *Ябылмаган китап яки чэчелгэн орлыклар*. Казан: *Тат.кит.нэшр.*, 1996. 206 б.

[16] *Национальные меньшинства в Китае* // *Восточный свет*. 2008. №1. С. 66-76.

[17] Yusupova A.S., Denmukhametova I.N., Nabiullina G.A., Mugtasimova G.R. *Features of the Language of Tatars Living in China* *J. Middle-East Journal of Scientific Research*. Volume 17 (2). 2013. Pp.168-172.

REFERENCES

[1] Malygina, I.V. (2005) *Jetnokol'turnaja identichnost' (Ontologija, morfologija, dinamika) [Ethno-cultural identity (Ontology, morphology, dynamics)] Extended abstract of Doctor's thesis. [in Russian]*.

[2] Popkov, V.D. (2003) *Fenomen jetnicheskikh diaspor. M. [The phenomenon of ethnic diasporas]. Moscow [in Russian]*.

[3] Berry, J.W. (1992) *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge, etc.: *Cambr. Univ. Press*. [in English].

[4] Bochner, S. (1982) *The social psychology of cross-cultural relations* // *Cultures in contact*. Oxford, etc.: *Pergamon Press*:. Pp. 5-44. [in English].

[5] Bourhis, R.Y. (1979) *Language in ethnic interaction: A social psychological approach* // *Language and ethnic relations*. Oxford, etc.: *Pergamon Press*. Pp. 117-141. [in English].

[6] Clement, R. & Noels, K.A. (1992) *Towards a situated approach to ethnolinguistic identity: the effects of statue on individuals and groups* // *J. of Language and Soc. Psychol.*. V. 11. Pp. 203-227. [in English].

[7] Kim, A.S. (2009) *Jetnopoliticheskoe issledovanie sovremennyh diaspor (konfliktologicheskij aspekt) [Ethnopolitical research of modern diasporas (conflictological aspect)] Extended abstract of Doctor's thesis. Saint Petersburg [in Russian]*.

[8] Safran, W. (1991) *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* // *Diaspora*. Vol. 1. No. 1. P. 148. [in English].

[9] Brubaker, R. (2005) *The diaspora diaspora. Ethnie and racial studies*. N.Y. Vol. 28. Pp. 1-19. [in English].

[10] Gazizova, E. & Fajzulaeva, M.P. (2010) *Tatarskaja diaspora v Latvii [Tatar diaspora in Latvia]* // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2, 101-104. [in Russian].

[11] Sadykova, L.R. (2011) *Sohranenie jetnokol'turnoj identichnosti tjurko-tatarskoj diasporj v SshA [Preservation of the ethnocultural identity of the Turkic-Tatar diaspora in the USA]* // *Izvestija Ufimskogo nauchnogo centra RAN*. 3-4, 81-87. [in Russian].

[12] Mahmutov, Z.A. (2012) *Jetnokol'turnye processy v srede tatarskoj diasporj Kazahstana [Ethno-cultural processes in the environment of the Tatar diaspora of Kazakhstan]* // *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4, 37-39. [in Russian].

[13] Yusupova A.S., Denmukhametova I.N., Nabiullina G.A. & Mugtasimova G.R. (2013) *Features of the Language of Tatars Living in China* *J. Middle-East Journal of Scientific Research*. Vol. 17 (2). Pp.168-172. [in English].

[14] Yuisufuva Z., Yusupova A.Sh., Mugtasimova G.R. & Hong Z. *The role of language in cultural transmission between the generations of the Tatars living in China* // *Astra Salvensis*, No 10, 2017. - P. 109-115 [in English].

[15] Gosmanov, M. (1996). *Yabylmagan kitap yaki chechelgen orlyklar [Uncovered books or sown seeds]*. 206 p. Kазan: *Tat. kit. neshr.* [In Tatar].

[16] *Nacional'nye men'shinstva v Kitae* // *Vostochnyj svet*. (2008). 1, 66-76.

[17] Yusupova, A.S., Denmukhametova, I.N., Nabiullina, G.A. & Mugtasimova, G.R. (2013) Features of the Language of Tatars Living in China J. Middle-East Journal of Scientific Research. Vol. 17 (2). Pp.168-172. [in English].

Юсупова А.Ш.

**ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ САҚТАУДЫҢ БЕЛГІСІ - ЖЕКЕ ЕСІМДЕР
(ҚЫТАЙДАҒЫ ТАТАР ДИАСПОРАСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА)**

Аңдатпа. Мақалада ҚХР-да тұратын татар диаспорасының ұлттық бірегейлігінің құрылымындағы тілдің рөлі зерттелген. Зерттеу негізінде бұл атау ана тілімен бірге ұлттық бірегейліктің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады деген қорытынды жасалады. ҚХР-да тұратын татар диаспорасының антропонимдік көрінісі ұйғыр, қазақ және қытай тілдерінің лексикалық құбылыстарының өзара енуімен және араласуымен сипатталады. Канондық атаулардың формалды және семантикалық өзгерістері, аймақтық антропонимикондағы ата-баба мен қарыздың арақатынасы талданады. Қытайдың татар диаспорасының тұрғындары үшін өзекті ұлттық татар тілінің жеке есімдер қорын пайдалану үлесі көрсетілген. Қытайдың көпмәдениетті аймағында тұрақты өмір сүретін татар тамыры бар адамдарды атау процесіне әсер ететін факторлар анықталған.

Кілт сөздер: аты; ұлттық бірегейлік; татар диаспорасы; татар тілі; лексика; сақтау.

Alfiya S.Yusupova

**PERSONAL NAMES AS A MARKER OF PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY
(ON THE EXAMPLE OF THE TATAR DIASPORA IN CHINA)**

Annotation. The article examines the role of language in the structure of the national identity of the Tatar diaspora living in China. Based on the conducted research, it is concluded that the name, along with the native language, is an important component of ethno-cultural identity. The linguistic picture of the Tatar diaspora living in China is characterized by the interpenetration and mixing of lexical phenomena of the Uighur, Kazakh and Chinese languages. The formal and semantic transformations of canonical names, the ratio of the original and borrowed in the regional anthroponymicon are analyzed. The share of the use of the fund of personal names of the national Tatar anthroponymicon relevant to Tatar-speaking residents of China is shown, factors influencing the naming process of persons with Tatar roots permanently residing in the multicultural region of China are identified.

Keywords: name; national identity; Tatar diaspora; Tatar language; vocabulary; preservation.